

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ

11 октября
29 сентября

1881

Отдѣльные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG, Genève, rue de la Corraterie. Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève. Желющихъ имѣть лично объясненія съ редакціей, просить обращаться по тому же адресу.

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Партія террора и организация общественныхъ силъ. — 2) Политика синодальнаго оберъ-прокурора. — 3) Московскій подразумѣніи. — 4) Историческая Польша и великорусская демократія, VII, М. Драгоманова. — 5) Замѣтка о взаимномъ отношеніи нарождающихся и дѣйствующихъ въ Россіи партій. И. И. — 6) Письмо въ редакцію (изъ Москвы), г-на — *овъ*. — 7) Извѣстія и замѣтки: тайные полицейскіе участки и поднадзорные; новый № «Народной Воли»; аресты; конгрессъ социалистовъ въ Коаръ; арестъ социалистовъ въ Познань по доносцу демократической газеты; кровь и желѣзо; политика петербургскаго правительства по вопросу о выдачѣ социалистовъ-революціонеровъ.

Женева, 11 октября.

Мы получили замѣтку, которую и помѣшаемъ ниже, о состояніи и взаимномъ отношеніи у насъ партій, борющихся за народное освобожденіе. Мы получили эту замѣтку при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, выражено, что „для Россіи теперь важнѣе всего ориентироваться въ средѣ народившихся партій“ и что „безъ знанія и пониманія другъ друга невозможно совмѣстная дѣятельность, а она необходима болѣе, чѣмъ когда либо“. — „Быть можетъ, — говоритъ авторъ, — моя статья послужитъ сигналомъ къ обмѣну мыслей между всѣми честными людьми“. Дай богъ! и да помогутъ силы небесныя всѣмъ честнымъ людямъ не только обмѣняться мыслями, но и *говориться* между собою!

Сговориться нужно не для того, чтобы знать, куда идти, противъ кого или чего направлять борьбу, кому наносить удары и кого щадить. Авторъ замѣтки справедливо полагаетъ, что три наиболѣе выдающіяся у насъ партіи, либераловъ, народниковъ и народолюбцевъ, хотя и различны и того же, стремятся, хотя и различными путями, къ достиженію одной и той же цѣли — къ освобожденію общества и народа изъ подъ гнета правительственнаго произвола. Движимыя однимъ общимъ чувствомъ — ненависти къ полицейскому порядку управленія, воодушевляемая однимъ и тѣмъ же стремленіемъ — водворить правдыя отношенія между правительствомъ и народомъ, обезпечить свободу личности, эти партіи не сходятся вмѣстѣ, а нѣкоторымъ, въ томъ числѣ и автору замѣтки,

кажется даже, что дѣйствуетъ только одна изъ нихъ, именно партія „Народной Воли“ или террористы.

По истинѣ прискорбень разбродъ оппозиционныхъ силъ, а потому и слабость противодействія реакціи.

Хотятъ сгнать въ яму начальственный произволъ, но коль скоро примутся за работу, то напоминаютъ собою басню о лебедѣ, шукѣ и ракѣ: кто тянетъ въ облака, кто въ воду, а кто начинаетъ упираться и пятиться назадъ. Воняетъ о томъ, что чиновничество не рѣжетъ само себя по живому, что верховное правительство не даетъ себя закопать въ землю живьемъ и, словно дѣло какое дѣлаютъ, преспокойно складываютъ руки и протестуютъ, т. е. заявляютъ передъ всѣмъ честнымъ міромъ о своемъ полнѣйшемъ безсиліи.

Иногда дается воля порывамъ озлобленія, которыя безспорно служатъ выраженіемъ революціоннаго протеста, но протестъ не можетъ идти далѣе констатированія факта, выраженный же незначительнымъ меньшинствомъ, онъ не имѣетъ даже значенія факта *сознаннаго* народомъ.

Говорятъ, идти въ народъ по примѣру пропагандистовъ и бунтарей прошлаго десятилѣтія не только безцѣльно, но и невозможно; проводить освободительныя идеи подъ рукою цензурнаго комитета и подъ носомъ у блюстителей порядка, какъ назначаемыхъ отъ правительства, такъ и выборныхъ — также начальство не позволитъ.

Кто не можетъ быть въ народѣ иначе, какъ предпринимая *экскурси* въ народъ, тому нечего трогаться съ мѣста; кто не можетъ писать или говорить иначе, какъ съ дозволенія начальства, тому нечего и браться за перо, нечего и рта раскрыть — такъ порѣшили, и на томъ одинъ успокоились, другіе махнули на народъ рукою и пошли впередъ своею компаніею, своимъ тѣннымъ кружкомъ *мстить* за темный людъ, за зрячее общество, за друзей, за себя самихъ.

Но библейское правило возмездія — око за око, зубъ за зубъ — животворящей силы не создаетъ, правовыхъ отношеній не водворяетъ. Страшно сказать, но надо сказать: бесполезно пролита кровь, без-

полезно на алтарь Немезиды принесены въ жертву молодыя жизни, жизни лучшихъ людей.

Политика мести, запугиванія, революціоннаго террора такая же ошибка, какъ и реакціонный терроръ. Они порождаютъ другъ-друга, другъ-друга поддерживаютъ. Каждая изъ сторонъ, снѣся одержать верхъ, въ измышленіи средствъ борьбы темными орудіями, естественно переходитъ границы справедливаго — что прежде всего должно лежать въ основаніи общественной дѣятельности, — границы человѣчнаго, — безъ чего невозможно привлечь народныя симпатіи, — наконецъ, границы доступнаго для средняго человѣка идеала нравственности, — безъ чего невозможно рассчитывать на поддержку даже просто честныхъ людей. Не можетъ быть человѣчнаго палача, не можетъ быть честнаго шпиона, во имя чего не производились бы казни, ради чего не совершалось бы предательство.

Борьба, основанная на возмездіи, заводитъ слишкомъ далеко въ сторону отъ освободительныхъ цѣлей. Она прилична деспотамъ, но не революціонерамъ, которые, конечно, могутъ увлекаться временно, что почти неизбежно при сильномъ нравственномъ возбужденіи, поддерживаемомъ преслѣдованіями, но возводить порывы увлеченія въ систему и неуклонно слѣдовать такой системѣ — значитъ отказаться отъ революціонной, т. е. въ сущности организаторской дѣятельности.

Даже въ эпоху наивысшаго возбужденія въ средѣ тайной революціонной организаціи въ Россіи большинство не рѣшалось окончательно выйти изъ народа или ограничить агитацію вербовкой неполитическихъ программъ возмездія и устрашенія. Народники отдѣлились отъ террористовъ, хотя и не оставляли послѣднихъ въ критическія минуты, перѣдко принимая дѣятельное участіе въ ихъ предпріятіяхъ, даже съ теченіемъ времени сами становились террористами единственно по чувству революціоннаго братства и солидарности освободительныхъ стремленій. Однако они сознавали, что только поддерживаютъ *протестъ*, что, благодаря ему, дѣло революціи не тонетъ, но за то и

не двигается вперед. Всемъ известно, что самые горячіе апологеты террористической системы, пропагандировать революцію и испровергать деспотизмъ, на дѣлѣ никогда террористами не были и даже вовсе или почти не принимали участія въ кровавой борьбѣ съ деспотизмомъ, наслаждаясь созерцаніемъ этой борьбы изъ „прекраснаго далека“. Теперь сложилось мнѣніе, раздѣляемое также и авторомъ печатаемой нами записки, что „если бы все общество активно и энергично вступило за свои права, терроризмъ груины революціонеровъ не имѣлъ бы смысла и исчезъ бы самъ собою“,—мнѣніе, противъ котораго едва ли кто рѣшится возразить. Выходить, слѣдовательно, что по мѣрѣ того какъ общественныя силы станутъ приливать къ появляющимся кое гдѣ, разбросаннымъ, разрозненнымъ усилямъ пробить путь къ завоеванію естественныхъ правъ человѣческой личности, изолированная отъ народной жизни партія террористовъ станетъ ослабѣвать и начнетъ складывать одно за другимъ свои орудія борьбы, пригодныя для тайнаго и малочисленнаго кружка протестующихъ, но слишкомъ хрупкія въ рукахъ всего общества, пробудившагося къ энергичной, настойчивой дѣятельности, съ цѣлью не разрушать, а созидать.

Теперь русское общество еще далеко отъ единодушнаго движенія по пути къ политической свободѣ; оно носитъ задерживающіе элементы въ себѣ самомъ, почему и было бы ошибкою направлять его дѣятельность на устраненіе однихъ только внѣшнихъ препятствій. Придающіе видъ неподвижности всему обществу, въ немъ самомъ гнѣздящіеся элементы застоя могутъ быть ослаблены, приведены къ нулю только однимъ способомъ — организаціей силъ дѣятельныхъ, наиболѣе способныхъ къ поступательному движенію. Но валовой, всероссийской организаціи общественныхъ силъ быть не можетъ, потому что подобная организація вилѣла бы въ воздухъ, не имѣла бы вовсе почвы подъ ногами. До организаціи цѣлаго можно дойти только путемъ организаціи частей, организаціи по группамъ, по мѣстностямъ, по количеству наличныхъ, жизненныхъ интересовъ и лишь въ предѣлахъ этихъ интересовъ.

Но въ дѣлѣ организаціи, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, нельзя только желать, надо работать, надо дѣйствовать во чтобы то ни стало, не смотря ни на какія препятствія; надо гибнуть, если иначе нельзя, если жертвы еще необходимы, но нельзя останавливаться, бросать дѣло организаціи и хвататься за книжку, револьверъ, динамитъ или, еще хуже, складывать руки и становиться въ положеніе посторонняго зрителя революціонной вендетты.

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы выиснить дѣйствительную причину слабости нынѣшняго освободительнаго движенія въ средѣ нашего общества. Путь, прямо ведущій къ усиленію этого движенія, — ясенъ.

Программа оберъ-прокурора св. синода относительно раскола, о которой намъ заранѣе сообщалъ нашъ петербургскій корреспондентъ *), начала приводиться въ исполненіе. Св. Синодъ издалъ дополненіе къ правиламъ Митрополита Платона, которыми до сихъ поръ опредѣлялось положеніе Единоувѣрческой церкви. 81 годъ послѣ ея основанія, эта церковь признана до лѣкото-рой степени равноправною съ господствующею; тайнымъ раскольникамъ, официально принадлежащимъ къ православію, дозволено переходить въ единоувѣріе, и даже настоящіе православные могутъ, въ случаѣ надобности, совершать требы въ единоувѣрческихъ храмахъ; вмѣстѣ съ этимъ Св. Синодъ пояснилъ также, что проклятіе, произнесенное соборомъ въ 1667 г. противъ раскольниковъ, не распространяется на единоувѣрцевъ.

Эти „дополненія“ логически вытекаютъ изъ основной идеи единоувѣрія, которое есть ничто иное, какъ само православіе, имѣющее только обрядовыя особенности, существованіе которыхъ никогда не воспрещалось Восточною церковью. Провозглашая равноправіе единоувѣрія, наши духовныя власти отдають наконецъ должное церкви, ими учрежденной и признають, что были, въ продолженіи 81 года, къ ней несправедливы. Другое дѣло, насколько это позднее признаніе своей ошибки можетъ имѣть вліяніе на церковь старообрядческую, которая, вмѣстѣ съ единоувѣрческой, отличается отъ православной сохраненіемъ старыхъ обрядовъ, но не признаетъ, какъ это дѣлають единоувѣрцы, главенства св. синода, а имѣетъ собственную организованную іерархію. Весьма вѣроятно, что старообрядцы увидятъ въ этой запоздалой уступкѣ совѣтъ не то, чтобы они видѣли въ ней при учрежденіи единоувѣрія; въ ихъ глазахъ она будетъ только новымъ средствомъ привлеченія къ православію, новой попыткой заставить ихъ подчиниться власти господствующей церкви, которая сама стоитъ въ полнѣйшемъ подчиненіи государству. Рука чиновничества слишкомъ видна въ новой мѣрѣ православныхъ іерарховъ, чтобы она могла имѣть желаемое дѣйствіе на умы и сердца раскольниковъ. Возвратите сначала православную церковь самой себѣ, господа чиновники, и она лучше васъ найдетъ способъ сближенія и примиренія съ тѣми элементами въ расколѣ, которые, какъ и она, дорожатъ авторитетомъ въ дѣлахъ религіи, но не допускаютъ, чтобы этотъ авторитетъ принадлежалъ свѣтской власти.

Одновременно съ возвращеніемъ единоувѣрцамъ такъ долго и такъ непослѣдовательно отнимаемыхъ у нихъ правъ, правительство приняло относительно самихъ старообрядцевъ одну мѣру справедливости, которая будетъ несомнѣнно встрѣчена ими съ радостью: двери темницы отворились для трехъ узниковъ, старообрядческихъ епископовъ Конона, Геннадія и Аркадія. Исторія ихъ звучитъ почти невѣроятно въ наше время, даже въ Россіи. Четверть вѣка (они

были заключены въ 1856 г.) прожили въ тюрьмѣ эти, всеми уважаемые старцы, только за то, что они оставались вѣрными своей совѣсти. Возвращеніе имъ свободы, безъ отреченія ихъ, какъ отъ старообрядческой церкви, такъ и отъ принадлежащаго имъ въ пей сана, свидѣлствуетъ прежде всего о ихъ твердости, но и дѣлаетъ честь правительственнымъ лицамъ, которые, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, сумѣли возвыситься до гуманнаго дѣйствія.

Намъ было бы пріятно приветствовать эти симптомы болѣе справедливой и болѣе цѣлесообразной политики относительно раскола, если бы, какъ намъ сообщаютъ изънутри Россіи, за этой свѣтлой стороной не скрывалась сторона темная: давленіе на раскольниковъ съ цѣлью принудить ихъ вступить въ единоувѣріе, если не въ православіе, составляющее пераздѣльную часть программы гг. Побѣдоносцева и компаніи, какъ она изложена въ упомянутомъ письмѣ нашего сотрудника.

Давая мѣсто письму изъ Москвы, мы увѣрены, что авторъ письма значительно измѣнитъ свой взглядъ на печатаемый въ нашей газетѣ рядъ статей подъ заглавіемъ „Историческая Польша и великорусская демократія“, когда этотъ почтенный трудъ М. П. Драгоманова будетъ доведенъ до конца. Цѣль нашего изданія внести не рознь, а единеніе въ борьбу общественныхъ силъ нашего отечества съ препятствіями, мѣшающими ихъ развитію. Взаимное непониманіе составныхъ элементовъ того собирательнаго цѣлаго, которое называется у насъ народомъ, или недостаточное вниманіе къ племеннымъ различіямъ крупнѣйшихъ частей этого цѣлаго всегда служили однимъ изъ важнейшихъ препятствій къ дружному единенію людей, преслѣдующихъ освободительныя цѣли, были, слѣдовательно, одною изъ причинъ слабости у насъ оппозиціоннаго движенія и усиленія произвола надъ правомъ и справедливостью. „Историческая Польша и великорусская демократія“, какъ можно видѣть изъ уже напечатанныхъ въ нашей газетѣ главъ этого историческаго обзора, именно имѣла въ виду пополнить существующій на Руси, въ общественномъ сознаніи, пробѣлъ въ дѣлѣ оцѣнки условій, необходимыхъ для развитія дѣйствительнаго, а не мнимаго самоуправленія, условій жизненности труда по внутреннему устроению, по организаціи и сплоченію народныхъ силъ въ ихъ естественныя группы. Все это уже высказано авторомъ „Исторической Польши и великорусской демократіи“ и мы только напомнимъ неоднократно повторенныя имъ мысли автору письма изъ Москвы. Разумѣется, г. Драгомановъ не замедлитъ отвѣтить лично отъ себя, и тогда, надѣемся, не будетъ болѣе повода для недоразумѣній, возбуждаемыхъ въ настоящее время однимъ изъ членовъ великорусской національности.

То же лицо говорить, по поводу „писемъ о рабочемъ движеніи“, что вопросъ

*) См. № 7 „В. С.“ письмо изъ Петербурга М.

о распределении богатств стоит не на очереди в России. А крестьянское мало-земелье, признанное даже правительством? У нас, говорится в письмах, дѣлится нечего, всё мы бѣдны. Тѣмъ лучше, значить не слишкомъ станутъ противиться обращению индивидуальной собственности въ коллективную. Но авторъ письма, вѣроятно, и самъ знаетъ, что это не совсемъ такъ, что обыкновенно отстаиваютъ даже не имущество, а только право эксплуатировать; онъ, вѣроятно, знаетъ также, что рабочіе на Руси благословенной лишены возможности сплочаться въ союзы для противо-дѣйствія эксплуататорамъ—это запрещено закономъ. Устранение такого несправедливого порядка вещей развѣ не есть очередь и даже насущный вопросъ въ Россіи? Къ тому же вопросъ о рабочихъ союзахъ тѣсно связывается съ вопросомъ о лучшей и наибольшей производительности труда, о чемъ и авторъ письма на-ходить своевременнымъ подумать.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША и ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ. VII.

Бакунины несомнѣнно имѣли значительную долю влияния на уступчивость Герцена польскимъ патріотамъ въ 1862—1863 г., хотя и у самого Бакунина были прежде съ ними разногласія въ такомъ же родѣ, какъ и разногласія Герцена. (См. первую статью Бакунина, напечатанную тотчасъ послѣ его побѣга изъ Сибири: „Русскимъ, польскимъ и всемъ славянскимъ друзьямъ“. Приложение къ „Колоколу“, 15 февр. 1862 г. Выраженные тутъ идеи о польскомъ вопросе такъ похожи на разобранныя нами статьи Герцена въ 1859—60 гг., въ нихъ сильныхъ и слабыхъ сторонахъ, что намъ бы пришлось повторять сказанное, если бы мы пришли говорить о нихъ.) Но приближеніе взрыва въ Польшѣ увлекло подвижную натуру Бакунина. Это увлечение прекрасно нарисовано Герценомъ въ статьѣ „М. Б. и польское дѣло“.

Когда Герценъ замѣтилъ, что врядъ ли Потебнѣ и русскому обществу „Земля и Воля“ „по дорогѣ съ поляками“,—Бакунины воскликнули: „По дорогѣ, по дорогѣ! Не сидѣть же намъ вѣчно, сложа руки и рефлектируя. Исторію надо принимать, какъ она представляется, не то всякій разъ будешь за урядъ то назади, то впереди.... Чего жъ ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали (и) такихъ уступокъ“... (Посм. соч. 187, 193).

Бакунины вѣрили въ возможность вос-по крестянского возстанія въ Россіи,—говоритъ Герценъ, вѣрили отчасти и мы; да вѣрло и само правительство.... Б., не слишкомъ останавливаясь на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ. Онъ хотѣлъ вѣрить и вѣрилъ, что Жмудъ и Волга, Донъ и Украина воз-станутъ, какъ одинъ человѣкъ, услышавъ о

Варшавѣ; онъ вѣрилъ, что старовѣръ воспользуется католическимъ движеніемъ, чтобы узаконить расколъ“. (Посм. соч. 197). „За возстаніемъ въ Варшавѣ онъ уже видѣлъ свою славную славянскую федерацію, о которой поляки говорили не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ; онъ уже видѣлъ красное знамя „Земля и Воля“ развѣвающимся на Уралѣ и на Волгѣ, на Украинѣ и Кавказѣ, пожалуй, на Зимнемъ Дворцѣ и Петропавловской крѣпости и торопился какъ нибудь сгладить затрудненія, затушевать противурѣчія (между собою и польскими революціонерами), не выполнить овраги, а бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ“. (Тамъ же 199, 200).

Впрочемъ одного личнаго вліянія, даже столь сильнаго и столь близкаго человѣка, не было бы достаточно для того, чтобы заставить Герцена уклониться такъ явно отъ того, что онъ еще такъ недавно высказывалъ съ такою силою. Не менѣе Бакунина повліяли на Герцена голоса людей, жившихъ въ Россіи и принадлежавшихъ къ пачавшимъ тогда образовываться тамъ кружкамъ практическихъ революціонеровъ. Между этими кружками выдавалось наиболѣе общество „Земля и Воля“. Стремленія этого общества были болѣе социальныя (надѣлъ крестьянамъ земли), нежели политическія (установленіе въ Россіи конституціоннаго, если не республиканскаго правленія) и оно, уже по этому одному, должно было принципиально сильно расходиться съ тогдашнимъ польскимъ движеніемъ. Принципиальное различіе между великорусскими и польскими революціонерами было тѣмъ болѣе сильно, что въ рядахъ польской революціи стояла не только демократическая партія, но и аристократическая (и обѣ съ клерикалами), изъ которыхъ, конечно, каждая рассчитывала овладѣть движеніемъ исключительно, но которыя все таки пока ладили между собою,—какъ мы видѣли, въ ущербъ даже далеко не крайнимъ демократическимъ интересамъ. Тѣмъ не менѣе оба революціонные лагеря, польскій и великорусскій, попробовали сблизиться между собою для борьбы „единовременной“ и „противъ общаго врага“.

Такія сближенія мы видимъ сплошь и рядомъ въ исторіи. Многимъ они кажутся вполне естественными, особенно для людей „активнаго темперамента“ и для людей „практическихъ“. Мы бы далеко зашли, если бы стали разбирать общій вопросъ о достаточности для политической дѣятельности, въ томъ числѣ и для революціонной, одного такъ называемаго „активнаго темперамента“ и о практичности, особенно для революціонеровъ-новаторовъ, союзовъ, заключаемыхъ единственно или главнымъ образомъ на основаніи единовременности борьбы съ „общимъ врагомъ“. Замѣтимъ только, что союзъ великорусскихъ демократовъ-революціонеровъ съ польскою революціею 1863 г. въ ея цѣломъ, въ томъ числѣ и съ тѣми людьми, которые сами пытались отвращеніе отъ ихъ „нигилистическаго“ образа мыслей и социалистическихъ стремленій, и которые иначе не могли смотрѣть на нихъ, какъ на средство для отвлеченія силъ врага,—и въ своей интимной перепискѣ, ставшей потомъ гласною, называли ихъ „панурговымъ стадомъ“,—не

принесъ практическихъ выгодъ дѣлу великорусскихъ революціонеровъ. Но главное дѣло въ томъ, что во всякомъ политическомъ движеніи есть и теоретическая сторона, которая, при внимательномъ анализѣ, оказывается едва ли не главною, такъ какъ она собственно опредѣляетъ цѣль движенія, вдохновляетъ и даже порождаетъ практиковъ. Эта сторона движенія представляется писателями, которые имѣютъ свою общественную службу и тѣмъ лучше ее исполняютъ, чѣмъ меньше отклоняются отъ своей роли—именно теоретиковъ: неуступчивыхъ, неговорячивыхъ, непрacticalныхъ людей,—des vrais intransigeants, если говорить моднымъ французскимъ словомъ.

Герценъ, и по личной своей природѣ, и по всему своему прошлому, былъ именно писатель, теоретикъ,—котораго служба состояла въ томъ, чтобы наблюдать факты общественной жизни и говорить о нихъ мысленно, вполне независимо отъ всякихъ частныхъ, переходящихъ практическихъ комбинацій, кружковъ, партій и т. п. — и какъ таковой онъ именно и приобрѣлъ громадное вліяніе на общественное мнѣніе въ Россіи. Россія же болѣе чѣмъ какая другая страна нуждается въ такихъ чистыхъ, неговорячивыхъ теоретикахъ, какъ потому что теоретическое политическое образование въ ней скудно и до сихъ поръ, такъ и потому что, въ Россіи, — благодаря отсутствію политической свободы, — не существуетъ возможности для такихъ дѣйствительно практическихъ сдѣлокъ (компромиссовъ), какія заключаются напр. въ Англіи, гдѣ каждая партія, имѣвшая тысячи случаевъ выяснить свои теоретическія основы и цѣли,—входитъ, по требованію обстоятельствъ, съ полнымъ сохраненіемъ этихъ основъ и цѣлей, въ союзъ съ другими партіями на данную минуту, для достиженія рѣзко опредѣленной частной цѣли, — для поверженія ли общаго противника или соперника, или же для проведения опредѣленной мѣры, до которой только и успѣло дорости въ данную минуту среднее общественное мнѣніе. Въ Россіи и до сихъ поръ, а въ 60-ые годы тѣмъ болѣе, едва ли не самые практически полезные люди — были бы именно „непрактическіе теоретики“. Такимъ рожденнымъ теоретикомъ былъ Герценъ. И вдругъ ему, передъ началомъ польскаго возстанія, въ которомъ перепуталось столько практическихъ комбинацій, запутавшихъ своими дѣлами круги отъ „нигилистовъ“ въ Россіи до папы Пія IX и Наполеона III, одни предлагаютъ связать свою судьбу союзомъ съ тайнымъ правительствомъ чужой націи, которое, по ходу дѣла своей націи, ставитъ во главѣ своей то чуть не социалистовъ, то Мѣрславскаго, то Лангевича, то назначаетъ своимъ представителемъ Чарторыйскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ Герцену, предлагаютъ „сдѣлаться агентомъ общества „Земли и Воли“, въ которомъ только и было практически-сильного, что самое имя, взятое изъ статьи Огарева въ „Колоколѣ“ же! Изъ „Посмертныхъ Сочиненій“ видно, какъ колебался Герценъ, какъ онъ чувствовалъ несообразность предлагаемыхъ ему ролей съ его природою и положеніемъ, завоеваннымъ его

прежнего чисто-писательского дѣятельностью. *Агентуру* „Земли и Воли“ онъ просто называлъ „глупою“ (Сб. Поем. Соч., 217), — и прямо отказался отъ нея, — но договоръ съ варшавскими делегатами онъ все таки подписалъ, — а это на дѣлѣ свело его на роль „агента“ и варшавскаго тайнаго правительства, и „Земли и Воли“, которая связала свою судьбу и вмѣстѣ съ тѣмъ, на нѣкоторое время, судьбу всего революціоннаго движенія въ Россіи, съ польскою революціею, такъ мало съ нимъ гармонизировавшего и по принципамъ, и по своевременности.

Объ этомъ русскомъ революціонномъ движеніи очень трудно говорить сколько нибудь обстоятельно, такъ какъ оно покажется не оставило по себѣ никакихъ печатныхъ памятниковъ, кромѣ прокламаций, появлявшихся въ то время (1861—1863 гг.) въ Петербургѣ. А потому то, что мы скажемъ сейчасъ объ этомъ движеніи, мы будемъ говорить съ большимъ опасеніемъ ошибиться и будемъ крайне благодарны, если кто поправитъ наши, очень и очень возможные, ошибки.

Если судить о русскомъ революціонномъ движеніи 1861—1863 гг. по печатнымъ прокламациямъ, то можно сказать, что въ началѣ оно имѣло болѣе народную, менѣе государственную идейную подкладку, чѣмъ въ послѣдствіи. По крайней мѣрѣ въ прокламации „Великорусскѣ“ явно видно отрицаніе единопоборазіи Россіи и нежеланіе говорить за всю Россію, не только за польскія земли ея, — полную самостоятельность которыхъ „Великорусскѣ“ признаетъ, но и за украинскія. Вотъ что читаемъ мы во 2 № „Великорусса“.

„Таже самая надобность уничтожить систему вооруженнаго насилія требуетъ, чтобы дана была населенію Южной Руси полная свобода располагать своей судьбой по собственной волѣ. Теперь этотъ народъ еще не могъ высказать своихъ желаній. Но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій ни довели это недовольство, мы должны уступить имъ. Если онъ хочетъ отдѣлиться совершенно, пусть отдѣлется. Захочетъ ли онъ этого, мы не знаемъ; да и самъ онъ едва ли рѣшитъ это, при настоящей своей безгласности. Но судя по живому чувству страданія отъ нашего деспотизма, должно ожидать, что при первой возможности подумать о своей судьбѣ, онъ захочетъ отойти отъ насъ. Будемъ готовы и на такое рѣшеніе. Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться однимъ, имѣя въ себѣ всѣ элементы національнаго могущества.... Вотъ объясненіе имени, носимаго нашею газетою“. (Перепечатано въ „Колоколѣ“, 15 окт., 1861 г.)

Прошло не много времени, — и общество „Земли и Воли“, — хотя и болѣе радикальное, чѣмъ „Великорусскѣ“, по вопросу социальному, стало однакожъ на болѣе государственную точку зрѣнія, подѣливъ имперію Романовыхъ на Россію и Польшу, и предоставивъ въ пользу послѣдней всѣ народы, населяющіе принадлежавшія польскому государству до 1772 г. провинціи. Такое быстрое оставленіе народной точки

зрѣнія на части Россійской имперіи для точки зрѣнія государственной имѣетъ себѣ объясненіе въ общемъ характерѣ политическаго образованія русскаго общества на основѣ московско-петербургской цивилизаціи. Ни школа, ни литература великорусская, — обѣ подначальныя государству, не благоприятствуютъ народной точкѣ зрѣнія, которая бы должна была привести образованныя общества страны къ ученію о федеративномъ ея устройствѣ, — а благоприятствуютъ точкѣ зрѣнія поверхностно государственной, которая приводитъ къ ученіямъ: централистическимъ и сепаратистическимъ, — представляющимъ собственно родныхъ братьевъ. Изъ всѣхъ политическихъ учений народно-федеративное имѣетъ наименѣе представителей въ литературѣ великорусской и наиболѣе туго усвоится русской публикой. Одно время, — тотчасъ по смерти Николая I, — реакція его централизаціи проявилась было довольно сильно учениями, въ родѣ тѣхъ, какія высказывали Герценъ и Бакунинъ, „Великорусскѣ“ и др., — но эта реакція въ обществѣ была неглубока и непродолжительна. Подъ общими фразами анти-централистическаго свойства детали мыслей остались въ обществѣ все таки централистическими.

Интересно, что наиболѣе горячими представителями децентрализаціоннаго направленія въ русской литературѣ явились въ первые годы правленія Александра II вовсе не публицисты и политики, а историки, этнографы, археологи. Децентрализаціонное ученіе проповѣдывалось не такъ въ журналахъ и политическихъ трактатахъ, какъ съ университетскихъ кафедръ. Представителями его были въ Кіевѣ профессоръ русской исторіи Пл. В. Павловъ (котораго печатныя статьи „О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI—XVII ст.“ и „Тысячелѣтіе Россіи“ не даютъ полнаго понятія о его лекціяхъ) въ Петербургѣ Н. И. Костомаровъ, — объ идеяхъ котораго публика имѣетъ болѣе ясно представленіе благодаря, его рѣдкому литературному таланту, — и въ Казани А. Н. Шаповъ; — замѣчательно всѣ три — помѣты императорской полиціей, что рѣдко случается съ русскими учеными: Костомаровъ былъ въ ссылкѣ съ 1847 по 1857 г., Павловъ съ 1861 по 1866 г., Шаповъ и умеръ въ ссылкѣ. Предполагая мнѣнія Костомарова болѣе или менѣе извѣстными читателямъ и считая этого писателя все таки постороннимъ въ великорусской литературѣ, въ которую онъ вошелъ съ своими украинскими чувствами и учениями, мы остановимся на Шаповѣ, какъ на великорусѣ, хотя (что тоже не лишено своего значенія) сынъ далекой окраины, тоже по своему казацкой, — сибирякѣ, воспитавшемся тоже не въ русскійхъ центрахъ, а въ Казани.

Политическія ученія Шапова характеризуются всего лучше его вступительной лекціей, отрывки изъ которой напечатаны въ мало-распространенномъ изданіи, казанскомъ сборникѣ „Первый шагъ“ (1866). Надѣмся, что читатель не посѣтуетъ на насъ за слишкомъ длинныя выписки:

„Скажу напередъ, — говорилъ казанскій профессоръ: — не съ мыслью о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ

идеей народности и областности я вступаю на университетскую кафедру русской исторіи.

„Въ настоящее время, кажется, утвердилось убѣжденіе, что главный фактъ въ исторіи есть самъ народъ, духъ народный, творящій исторію, что сущность и содержаніе исторіи есть жизнь народная. Это убѣжденіе уже не ново; его начали проводить, осуществлять и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ другое начало, которое еще не сознаю ясно въ нашей наукѣ: *начало областности* — позвольте мнѣ его такъ выразить. У насъ доселѣ господствовала въ изложеніи русской исторіи идея централизаціи; развилось даже какое то чрезмѣрное стремленіе къ обобщенію, къ систематизаціи разнообразной областной исторіи; всѣ разнообразныя особенности, направленія и факты провинціальной исторической жизни подводились подъ идею государственнаго развитія...

„... Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ не несвойственно, невозможно подобное изложеніе, какъ въ исторіи обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства русскаго... Областной элементъ былъ самымъ живнѣйшимъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую борьбу съ соединительной, централизующей силой государства; онъ многозначительно выразился въ *смутное время*, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявлялся въ земскихъ соборахъ въ XVII в., сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству въ теченіи всего XVIII и въ началѣ XIX-го столѣтія, — во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій, возбуждая въ либеральныхъ умахъ, въ знаменитое время тайныхъ обществъ, разные планы и проекты относительно конституціоннаго устройства областей и т. д. — и мы, изучая русскую областную исторію, оставляемъ почти безъ вниманія этотъ *областной элементъ*, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, *жизднтельный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи*...

„Какъ пѣтъ въ Европѣ самаго малаго (вѣрно, опечатка, — вм. большаго), которое бы едва могло равняться съ одною изъ областей Россіи, такъ пѣтъ въ Европѣ народа, который бы отличался такимъ провинціальнымъ этнографическимъ разнообразіемъ, какъ народы, обитающіе въ разныхъ русскіхъ областяхъ. Много ли общаго между малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и сибирскимъ народонаселеніями? Много ли общаго между Польшею и Камчаткою, или между Кавказомъ, Архангельской областью и Казанскимъ краемъ и т. д.? А разныя областныя нарѣчія, изъ которыхъ составился особый, цѣльный словарь? А эти характеристическія при словья, которыми такъ мѣтко и согласно съ исторіей характеризуютъ у насъ жители одной области жителей другихъ? А существованію у насъ территориальныхъ окру-

говъ, совершенно независимо отъ округовъ административныхъ, отличныхъ правами жителей, языкомъ, промыслами и т. д.? Все это такъ выразительно, такъ рельефно рисуетъ обширную Россію во всемъ исторически-этнографическомъ разнообразіи ея многочисленныхъ областей,—и въ наукѣ русской исторіи доселѣ не объяснено, отчего образовались такія *областные особенности*, какое опѣ имѣютъ значеніе въ исторіи,—не говоримъ уже о томъ, *какое значеніе онѣ имѣли и могутъ имѣть въ примѣненіи къ государству, къ администраціи, къ народному матеріальному и правленному быту и т. д.* Уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, не только люди науки, но и лучшіе государственные мужи сознавали и официально высказывали то убѣжденіе, что „должно обращать вниманіе на совокупныя права мпогихъ и великихъ областей, составляющихъ обширную Россійскую имперію, что государство должно вполнѣ соответствовать всѣмъ выгодамъ мѣстнаго положенія различныхъ областей и главному характеру народовъ, населяющихъ эти области“. Если когда, то особенно въ наше время, наукѣ русской исторіи необходимо, существенно необходимо уяснить исторію, духъ, характеръ и этнографическія особенности различныхъ областныхъ массъ народныхъ. И весьма утѣшительно, что въ послѣднее время, кажется, и въ самыхъ провинціяхъ стала пробуждаться потребность самосознанія. По крайней мѣрѣ, отрадное явленіе представляютъ мало по малу возникающіе въ нашей литературѣ областные сборники, историко-статистическія описанія губерній и провинцій и изданія областныхъ актовъ и памятниковъ. *Областные сборники могутъ служить* не только руководствомъ нашего областного самосознанія, но и *органомъ возбужденія въ провинціальныхъ массахъ—идей самосознанія и саморазвитія въ составъ цѣлаго государственнаго союза*“ (Первый шагъ, 407—412).*)

Изъ подчеркнутыхъ нами словъ видно ясно, что Шаповъ думалъ не объ одной только старинѣ, но и о современности, когда излагалъ идеи своей „областности“ (**). И подобныя слова сходили еще,—и то не всегда,—на кафедрахъ,—но не въ печати, особенно не профессорамъ. Уже это одно обстоятельство препятствовало распространенію въ публикѣ идей децентрализаціи въ формѣ федеративной. Проповѣданіе ихъ только съ каедръ историческихъ, главнымъ образомъ по отношенію къ старинѣ, да еще развѣ по поводу языка и литературы,—тоже преимущественно древней, давало и децентрализационнымъ идеямъ археологическій характеръ. Значеніе децентрализаціи для современности, между прочимъ для эко-

номической жизни, оставалось совершенно безъ разъясненія. Это преподаваніе идей политической децентрализаціи только на фаткахъ прошедшаго давало имъ характеръ, мало соответствующій интересамъ современности. Въ прошломъ децентрализація являлась съ крайнимъ проявленіемъ центробѣжныхъ, именно сепаратистическихъ силъ, такъ какъ, что ни говори напр. авторъ „Мыслей о федеративномъ началѣ въ древней Руси“, а въ его „удѣльно вѣчевомъ укладѣ“, собственно союзныхъ началъ было очень мало и они не были представлены никакою организаціей, даже такою, какую мы напр. видимъ въ средневѣковой Германіи. „Земскій миръ“,—въ которомъ такъ заинтересованы массы населенія, отъ этого былъ крайне мало обезпеченъ во время господства на Востокѣ Европы будто бы федеративныхъ отношеній (мы не хотимъ этимъ сказать, что интересы населенія были лучше обезпечены и московской централизаціей: „московская волокита“ стоила удѣльныхъ дракъ). Федералистамъ, которые проповѣдывали свои идеи только въ оболочкѣ фактовъ средняго вѣка, противники всегда могли указать на непригодность для новаго времени архаическихъ отношеній,—что столько разъ и было говорено напр. противъ Костомарова, котораго господствующій въ русской внутренней политикѣ великорусскій партіи записали въ сепаратисты-романтики, какимъ онъ въ дѣйствительности никогда не былъ. Всѣ отреченія Костомарова и другихъ украинскихъ автономистовъ отъ сепаратизма принимались только за лицемеріе и за боязнь открыто заявить свои затаенныя мысли.

Замѣчательно, что почти такъ же относились къ автономнымъ движеніямъ и тѣ изъ великоруссовъ, которые имъ сочувствовали, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Герцена, Бакунина, „Великорусса“. Всѣ они говорятъ о неизбежности или возможности „отдѣленія“—Польши, Украины, Бѣлоруссін и т. д. и спѣшатъ успокоить великорусскую публику, что, и за отдѣленіемъ этихъ областей, Великороссія все таки останется великою и сильною страной съ 40 миллионнымъ населеніемъ. (См. особенно названную выше статью Бакунина при „Колоколѣ“ 15 Февр. 1861). Но отдѣленіе провинцій и распаденіе державъ въ наши времена дѣло нелегкое. Мы это видѣли на примѣрѣ процесса отдѣленія Ломбардо-Венетіи отъ Австріи, для котораго пужно было не только почти поголовное возстаніе жителей провинцій, но и благоприятное вмѣшательство соседнихъ державъ, въ томъ числѣ и не итальянскихъ; мы это видимъ на процессѣ распаденія даже „большой“ Турціи. Массы населенія, даже если въ нихъ крѣпко національно-политическое сознаніе своей особенности, сорокъ разъ подумаютъ, прежде чѣмъ возстанутъ изъ за идеи политическаго сепаратизма. Мы видимъ, что напр. въ Польшѣ массы не возстали ни въ 1831, ни въ 1863 гг. Тѣмъ болѣе не могли онѣ возставать въ Украинѣ, ни въ Литвѣ, ни въ Бѣлоруссін и т. п. странахъ, въ которыхъ отъ массъ народа отдѣлялись въ особыя національности клас-

сы образованные, естественные теперь выразители всякихъ сознательныхъ политическихъ стремленій. А между тѣмъ напрасно бы мы стали думать, что въ массахъ этихъ странъ нѣтъ вовсе чувствъ и даже сознанія своей національной индивидуальности,—и еще болѣе, что для удовлетворенія ихъ насущныхъ потребностей этимъ странамъ не нужно самоуправленія. Только въ такихъ странахъ автономная идея можетъ имѣть практическое значеніе скорѣе въ видѣ идеи федеративной, чѣмъ сепаратистической.

Но именно федеративная идея и не была разъяснена публикѣ въ Россіи, а потому публика эта даже и въ 60-ые годы понимала собственно только двѣ политическія формы: централизацію и сепаратизмъ,—изъ коихъ послѣдній самъ можетъ имѣть свои централизационныя стремленія. Въ примѣненіи къ западнымъ полосамъ имперіи, русская публика, послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ сторону народно-федеральную, стала на томъ, что онѣ должны быть или раздѣлены между Польшей и Россіей (т. е. въ данномъ случаѣ Великороссіей) или же должны оставаться въ полномъ централистическомъ единеніи, конечно, съ преобладаніемъ великороссійскаго элемента, какъ „государственнаго“. Даже люди великорусской политическо-соціальной оппозиціи стали на такой мысли: въ Польшѣ есть движеніе къ отдѣленію отъ Россіи,—слѣдовательно пусть поляки и отдѣлятся даже со всѣмъ тѣмъ, что они считаютъ за Польшу и что мы не привыкли считать за Россію;—въ другихъ земляхъ,—въ Литвѣ, Бѣлоруссін, Украинѣ и пр. никто не заявляетъ желанія образовывать отдѣльныя государства,—слѣдовательно нечего и говорить объ ихъ индивидуальностяхъ и автономіи. Мы помнимъ, какое неудовольствіе произвело въ 1863 г., въ великороссійскихъ оппозиціонныхъ кругахъ провозглашеніе Костомаровымъ (правда, въ нѣсколько странной формѣ, соответственной библейскимъ вкусамъ старыхъ украинофиловъ) „анафемы тому, кто задумаетъ отдѣленіе Украины отъ Россіи“. Великороссійская оппозиція, которая тогда безразлично сочувствовала польскому возстанію, видя въ немъ прежде всего врага своему надѣвшему противнику,—правительству,—словно, обманулась въ ожиданіяхъ отъ украинскаго движенія,—и съ тѣхъ поръ къ числу противниковъ его изъ катковскаго лагеря прибавились противники изъ лагеря радикальнаго, въ которомъ польскій сепаратизмъ, со всѣми его аристократическими примѣсями, сталъ пользоваться большимъ сочувствіемъ, чѣмъ украинскій федерализмъ, при всемъ его демократизмѣ, сознательномъ и истинно-патриотическомъ. И до сихъ поръ можно встрѣтить въ великорусскихъ радикальныхъ, даже социалистическихъ, сферахъ такое отношеніе къ негосударственнымъ народамъ, поставленнымъ между Польшей и Великороссіей: „а! вы не хотите или не можете составить особыхъ государствъ,—такъ становитесь ли поляками, или русскими (великоруссами) или мы сами подѣлимся вами пополамъ съ поляками!“

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Къ стати, неужели польза напечатать полнаго текста этой лекціи Шапова, которую слышавшіе ее и читавшіе ее въ рукописи, признаютъ лучшимъ его произведеніемъ? Да и вообще стыдно, что до сихъ поръ нѣтъ полнаго изданія сочиненій этого замѣчательнаго дѣятеля.

**) Костомаровъ, потертый ссылкой уже раньше, не разъ оговаривался, что онъ говоритъ „о федеральныхъ началахъ“ только примѣнительно къ древней Руси“.

Les pays ne sont pas cultivés en raison de leur fertilité, mais en raison de leur liberté.

Montesquien.

Мысли и дела их подобны звёздам, которые дают мало света, потому что они далеки от земли.

Боконь.

Милостивый Государь! Органъ „Вольное Слово“, по самому положению своему, обязанъ способствовать выяснению общественной мысли въ Россіи, выяснению идей и цѣлей порождающихся партій, ихъ отношеній ко всему обществу вообще, и другъ къ другу въ частности.— Не говоря о большой, но еще несформировавшейся партіи либераловъ, партіи славянофиловъ и иныхъ прочихъ партійхъ мирнаго прогресса, двѣ партіи социальна-революціоннаго движенія остаются на себѣ всеобщее вниманіе. Это — партія народнои воли, или, какъ ее часто называютъ, партія террористовъ и партія народниковъ, или чистыхъ социалистовъ.

Что породило ихъ, каково ихъ значеніе въ исторіи русской жизни, каково отношеніе ихъ другъ къ другу и ко всему обществу и пр. и пр.,— вотъ вопросы, которые неминуемо должны были быть подняты на страницахъ Вашего органа. Къ сожалѣнію, кромѣ замѣчанія объ ангельской кротости социалистовъ-пропагандистовъ, и, вскользь брошеннаго, неодобрительнаго отзыва о террористахъ, до сихъ поръ, по этому вопросу, ничего не появилось въ Вашемъ органѣ. Считаю выясненіе вопроса объ истинномъ значеніи обоихъ теченій нашей социальна-революціонной мысли, очень важнымъ, я рѣшился, не претендуя на полноту и всесторонность, изложить нѣсколько мыслей по этому вопросу.

Какъ извѣстно, народническое движеніе считаетъ свое начало съ очень давнихъ временъ. Тяжелое экономическое положеніе русскаго народа не могло не отзываться въ чуткой душѣ нашей интеллигенціи. Въ 1856—61 годахъ она съ юношескимъ жаромъ увлеклась идеей освобожденія крестьянъ. Оно совершилось. Какъ совершилось,— другое дѣло. Продолжительная борьба утомила непривычные нервы. Русская интеллигенція задремала. И вотъ, посреди этой дремоты, лишь изрѣдка прерываемой то Каракозовщиной, то Нечаевщиной, раздались раздражающіе душу стоны парижскаго народа, бьющагося на баррикадахъ. Это была Парижская Коммуна.

Стоны и ужасъ массами разстрѣливаемыхъ борцовъ за идею, ихъ геройская самооборона и удивительная стойкость не могли не дойти до слуха дремавшей интеллигенціи. Съ ужасомъ она встрепенулась. Она прислушивается, дрожа, къ этимъ ужаснымъ событіямъ. Запахъ крови доносится до нея.... Нервы напряглись.... Но вотъ все замолкло.... Зарево и тишина.... Такъ внезапно, послѣ долгой дремоты, возбужденные нервы, не могутъ скоро успокоиться; они ищутъ пищи, мысль работаетъ. Она обращаетъ свои взоры къ себѣ, къ своей родинѣ, недавно только освобожденной отъ крѣпостнаго права. И что же представляется ей глазамъ: тяжелыя, черныя тучи носятся надъ русскимъ

народомъ. Горе голода, горе холода, горе непроглядной нужды, горе выбиваемыхъ и вымораживаемыхъ недонмокъ, горе преслѣдованій за вѣру, горе эпидемій, уносящихъ и старыхъ и малыхъ....

Отовсюду несетъ стоны русскаго народа. Но, то не былъ геройскій стонъ парижскихъ коммунаровъ, вызывающій удивленіе и гордость, нѣтъ, то былъ стонъ, задавленный, боязливый, по тѣмъ болѣе ужасный. Человѣкъ, разъ прислушавшійся къ нему, не могъ его забыть, онъ всегда былъ съ нимъ.... Нуженъ былъ выходъ. Здѣсь начинается прологъ социальна-революціоннаго движенія. Образовались кружки молодежи съ цѣлью идти въ народъ, просвѣтить его и приготовить къ лучшему будущему. Сильная своимъ геройствомъ, своей любовью къ мужику, своимъ самоотверженіемъ, неопытная, несвѣдущая, молодежь двинулась по всей Россіи съ проповѣдью социальнаго революціи. Какой же умственный багажъ былъ съ ней? „Ничего или очень мало“. Много любви и мало науки, знанія. — „Народъ неразвитъ, онъ не нуждается и не понимаетъ высшихъ требованій цивилизованной жизни; чтобы интеллигенція могла жить интеллигентной жизнью, она должна пройти трудовыя деньги народа, должна питаться его соками; чтобы одинъ человѣкъ могъ учиться и двигать прогрессъ, необходимо, чтобы, по крайней мѣрѣ, 10 человѣкъ на него работали“. Таковы были господствующія идеи нашей молодежи. Возловивъ юношѣ уже представлялось, сколько человѣкъ голодастъ, потому что онъ сытъ; сколько человѣкъ онъ сдѣлалъ несчастными, лишь однимъ своимъ существованіемъ. Образъ замученнаго, забитаго, съ укоромъ смотрящаго на него, мужика преслѣдуетъ его воображеніе. Гдѣ выходъ?!

Неужели онъ будетъ жить по прежнему? Неужели онъ будетъ сознательно жать плоть и пить мужицкую кровь?... Подобная мысль приводила его въ содроганіе. Нѣтъ, болѣе этого не будетъ! Отнынѣ, ни одна крошка хлѣба не перейдетъ изъ мужицкаго въ его панскій ротъ. Въ отплату же за все страданія, причиненныя имъ мужику, онъ клянется посвятить всю свою жизнь на служеніе народу. Послѣдовательная мысль юноши идетъ далѣе: „если наука, если цивилизація идетъ мимо мужика, не улучшая его положенія, а только ухудшая его, то прочь ее, эту науку, прочь ее, эту цивилизацію!“ И вотъ раздаются вездѣ крики: „долой науку, бросайте университеты, гимназій, беритесь за черный трудъ и проповѣдуйте народу социальную революцію!“ Среди молодежи, проповѣдывавшей о ненужности наукъ, находились еще люди, посвящавшіе свои досуги чтенію книгъ социалистическаго направленія—о рабочемъ движеніи, о революціяхъ и пр. и пр.

Что могли дать имъ эти книги, какимъ образомъ ихъ умъ, непривыкшій къ самостоятельной работѣ и къ оцѣнкѣ историческихъ событій, могъ воспринять рядъ мыслей этихъ писателей? Нужно вспомнить, что это было за время тогда, въ Западной Европѣ. — Каково было направленіе мысли въ западной социалистической литературѣ?

Въ это время, на Западѣ, царило разочарованіе и недовѣріе къ важности значенія политическихъ формъ общественнаго устройства; то была реакція восторженной вѣры людей предъидущей эпохи, думавшихъ, что съ введеніемъ представительнаго правленія, все муки народа прекратятся и зло исчезнетъ изъ міра. — Пылкія и восторженные ожиданія не оправдались; новыя формы много дали, но не оказались панацеей отъ всехъ золъ, и вотъ возбужденная и разочарованная мысль, забывшая все блага, принесенныя новымъ режимомъ, видя только мрачныя стороны его, заявляетъ, что для простаго народа политическія формы общественной жизни неимѣютъ никакого значенія, что конституція и все блага свободы печати, личности и пр. приносятъ пользу только буржуазіи и оставляютъ въ сторонѣ народъ.

Болѣе рѣзкіе идутъ далѣе: такъ какъ буржуазія прямо антагонистъ народа, то, слѣдовательно, все, что способствуетъ успѣху и организаціи ея, способствуетъ въ тоже время, пораженію и угнетенію народа. Такое направленіе социальна-революціонной мысли Западной Европы, добившейся уже свободы слова и потому не цѣнящей ея значенія, какъ нельзя болѣе соответствовало настроенію нашей социалистической молодежи. Къ своимъ самостоятельнымъ выводамъ о ненужности и вредности науки, прибавилось капиталистическое заключеніе о неважности формъ государственнаго устройства, о ненужности и даже вредности представительнаго правленія. „Распространять народъ, сформировать его, влить въ него революціонный духъ, который, впрочемъ, предполагается уже въ немъ въ потенциальномъ состояніи, вотъ задача и цѣль социальна-революціонной партіи“. Но такое положеніе дѣлъ долго не могло продолжаться. Грубая дѣйствительность сразу показала всю разницу между Западной Европой и Россіей. Въ то время, какъ въ Западной Европѣ, въ царствѣ конституціоннаго режима и буржуазіи, поддерживаемая правительственными мѣрами социалистическая пропаганда разрасталась и въ силѣ и въ интенсивности, когда французскіе и даже нѣмецкіе пропагандисты могли безпрепятственно собирать вокругъ себя тысячи рабочихъ и проповѣдывать имъ свои идеи; въ то время, когда они могли наводнять всю страну своимъ брошюрами и газетами; въ это время, въ Россіи, открывались неистовыя преслѣдованія и травля юношей, шедшихъ съ любовью къ народу для проповѣди социалистическихъ идей, травля и преслѣдованія, напоминающія только первыя времена христіанства. Пошли аресты, обыски, процессы. Молодежь, при видѣ преслѣдованій, сплочалась и изъ разсѣянныхъ доброжелателей народа получились довольно прочно организованныя кружки. Работа продолжалась, по исполнѣ мирная, такая незапрещенная ни въ одной конституціонной странѣ. Между тѣмъ, реакція росла, она наложилла руку на печать, земства, школы... Деспотизмъ, казалось, чувствовалъ тайный смыслъ этого движенія, понималъ, что подъ оболочкой

социально-экономического движения скрывается протест спутанного в пеленках возмужалого юноши. Он, казалось, чувствовал, что часть деспотизму и произволу пробил, и тем яростнее хватывался за свои прерогативы, чем яснее было, что он ускользает из его рук. Он выдвинул систему устранил; пошли в ход административные ссылки, Петропавловская крепость, грубое обращение с „политическими“. Раздался выстрел Засулич. Кровь взволновалась у всех, и все помнить, как отнеслось общество к выстрелу в презренного Третьякова. Реакция двинулась дальше. Явились казни, — Ковальский был расстрелян. Ужас и негодование разнеслись по Руси. Работа в народ делалась невозможной и вот, все сильнее и сильнее, раздаются голоса свержения сил, требующих пересмотра основных положений программы революционной партии. Для многих стало ясно становилось ясным, что так дело дальше не может идти, что несмотря на страшные жертвы, понесенные революционной партией, чисто народное дело не подвинулось ни на шаг вперед, что есть „что“, что мешает интеллигенции столкнуться с народом и уже довольно ясно обозначилось, что это „что“ есть не что иное, как политический режим, отсутствие свободы личности, печати, самых основных прав человека. Задача для многих революционеров начала разясняться. Если между народом и ним стоит немогущая быть обремененной преграда, деспотизм, то необходимо его уничтожить. И вот, раздаются по многим местам, сначала боязливо, робко, как бы стыдясь самих себя, голоса, требующие борьбы с деспотизмом, борьбы за конституционный режим. Раз поставленный, вопрос этот не мог уже больше заглушаться. Многие из более выдающихся революционных деятелей, более реально относящихся к движению, ясно формулировали, что для принятия социализма нужна пропаганда, для пропаганды — свобода слова, печати, свобода же слова может существовать только при прочных конституционных гарантиях.

Вопрос был решен безповоротно. Анонсовые времена прошли, дорого Россия заплатила за них. Народники оставались еще, но их было, бездельное существование бледнело перед выступающей на горизонте новой общественной силой — партией „Народной Воли“.

Новой партии приходилось осмотреться, измерить свои силы и силы противника, посмотреть своему врагу прямо в глаза. И странное, удивительное зрелище представило перед ней: гнилой, разбитый деспотизм, своими костлявыми старческими руками, своей бюрократией, держал в тисках молодую Россию. Тщетно старалась она выбиться из его ужасных рук; костлявые пальцы все сильнее сжимались и грозили задушить обезсиленный организм. Все общество, вся думающая и читающая Россия мучилась и стонала под давящим деспотизмом, почти вся печать, в она ни плоха (что совершенно зави-

сит от цензуры — уничтожьте цензуру и завтра мы не узнаем нашей печати) находилась в открытой оппозиции. В оправдание Засулич, в аплодисментах чиновной публики, в требованиях земствами и городами конституции, видно ясно, до очевидности, что старая оболочка общественной жизни умирает, что под ней уже выросла новая, немыслимая только силы сбросить старую. Необходима сила, которая помогла бы ей в этом. Такой силой, по мнению народолюбцев, должна была сделаться их партия. И так партия „Народной Воли“ приходится стать лицом к лицу с деспотизмом. Кто победит, этот ли мертвый, отвратительный старец, призрак бывшей силы, или эта новая, юная, полная развивающихся сил молодая Россия? Ответ казался нетрудным. Свалить одного, другого тирана, вдохнуть энергию и жизнь в онемевший, под влиянием продолжительных тисков, общественный организм и цель достигнута. Разбуженное общество вступить в свои права, возьмет дело в свои руки и „летопись окончена моя!“ Таким образом, стал на очереди вопрос об уничтожении царя, как олицетворения деспотизма и самовластия. Борьба и опыт показали, что царя уничтожить можно*), что общество, под влиянием таких потрясений, пробуждается и начинает расправлять свои члены. Припомните голоса дворянских и земских собраний, печати и частных лиц. Борьба еще некончена, она едва только еще начинается и время покажет, справедливы ли мысли „Народной Воли“, что наше общество в состоянии вступить за свои права и взять общественные дела в свои руки. Надо однако надеяться, что общество, вышедшее на борьбу с деспотизмом столько своих героев — не погибнет, а если оно не погибнет, то должен погибнуть деспотизм.

Из этого краткого очерка развития мысли обеих соц. партий можно ясно видеть, что *raison d'être* обеих состоит в невыносимо-бдественном положении рабочего сословия; что оба руководят социалистическими идеями; что обе партии достаточно показали и героизма, и самоотвержения и наконец, что внутренним двигателем их действий было полное отсутствие общественной жизни, затхлость и дряблость общественных форм, полная невозможность честному человеку взяться за какое либо дело. Одни и те же внутренние мотивы руководили и направляли нашу молодежь и в борьбе с турком за братьев-славян, и в войне с правительством за брата-мужика. Отсутствие возможности какой либо целесообразной, разумной деятельности делало жизнь очень невзрачной для молодого человека. Жизнь страшна и дешева. К чему она, если ее нельзя употребить ни на одно разумное дело! Таким образом причины, вызвавшие дея-

*) Покуда опыт показал только, что можно уничтожить одним насильственным действием личность царя, прекратив жизнь личности, власть же царя, самодержавие, еще никто не уничтожил и даже не ослабил.

тельность обеих партий, их цель, их шаги совершенно одинаковы, общи обеим. Но вот начинается различие и довольно существенное. В то время, как пародники, хотя и признали за наукой права гражданства, право на существование, все еще продолжают отрицать значение форм общественного устройства; все еще продолжают, несмотря на фактическую бездельность, думать и верить, что возможно, при нынешнем режиме, вести пропаганду социалистических идей в народ, что возможно организовать его и повести на бой со всем общественным организмом; в это время, народолюбцы, горьким опытом убеждая в невозможности пропаганды, сами посвящались под своим прежним увлечением и решили, что так как одно из самых необходимых условий для успешности социалистической деятельности есть свобода слова, обеспечение прав человеческой личности, то поэтому необходимо добиться их во что бы то ни стало. Раз конституция будет завоевана, раз свобода пропаганды будет гарантирована, временная цель партии будет достигнута, и она опять возьмется за свое прежнее дело — пропаганду социалистических идей в рабочем сословии.

Обратимся теперь к способам действий обеих партий. У обеих опять найдем много общего. Обе признают и требуют тайной организации своих сил, тайной пропаганды. Но, каким образом могут народники надеяться на успех этой тайной пропаганды? Если в Западной Европе, обширная пропаганда, при свободном слове, печати, сходит, едва с трудом завоевывает внимание рабочих сословий, погруженных в свои мелкие интересы, то, каким образом можно надеяться иметь успех, пропагандируя тайно среди наших неразвитых, забытых, безграмотных крестьян? Если в Западной Европе, все попытки Интернационала организовать прочно рабочих, уже социалистов, почти всегда упорно разбивались об индифферентизм рабочего сословия, то, каким образом, наши народники надеются организовать русский народ при его разбросанности, при его различии в правах, при враждебности друг к другу многих национальностей, входящих в Российскую империю, не говоря уже о традиционной вере в царя?....

Другое дело народолюбцы. Для них тайная организация, тайная борьба, есть необходимость. В самом деле, когда в обществе уже созрели известные идеалы, известные требования, когда они не реализуются, только вследствие задерживающей силы известной группы людей, тогда тайная борьба, удар, неизвестно откуда направленный, но всеми чувствуемый и внутри всеми одобряемый, наносит чувствительное поражение этой группе. Такова борьба с непоземным владычеством за национальное освобождение. Такова у нас борьба с отжившим свое время деспотизмом. Кто станет отрицать, что наше общество достаточно чувствует потребность в обеспечении прав личности, свободы

печати въ и представительномъ правленіи? Правительственный деспотизмъ имѣетъ противъ себя всѣхъ, поддерживается только недоразумѣніемъ и неорганизованностью силъ общества, его непривычкой къ рѣшительнымъ шагамъ; здѣсь пужень рѣшительный толчекъ, здѣсь необходима организація дѣла въ отличіе отъ необходимой для чистыхъ социалистовъ организаціи пропаганды идей. Присматриваясь къ революціонной борьбѣ въ Россіи, нельзя невидѣть, что дѣлу освободенія ея отъ деспотизма наиболѣе вредила и вредитъ раздвоенность мысли у лучшихъ сыновъ ея, противорѣчія у нихъ между умомъ и чувствомъ. Чтобы борьба велась интенсивно, страстно, необходимо идеализировать ея результаты, необходимо чтобы они не были извѣстны заранее въ ихъ тѣлесной, реальной формѣ. Никогда результаты не могутъ соотвѣтствовать ожиданіямъ, а потому, знаніе ихъ напередъ, всегда отталкиваетъ отъ борьбы много людей. Таково положеніе дѣла въ Россіи, въ борьбѣ за свободу. На западѣ, во время борьбы съ отживавшимъ режимомъ, умъ всегда шелъ рука объ руку съ чувствомъ, умъ сознавалъ необходимость измѣненія его и завоеванія свободы, чувство тутъ же идеализировало эти свободы, окрашивало ихъ всевозможными великолѣпными красками и такимъ образомъ вносило въ борьбу энергію и страстность. Въ Россіи мы замѣчаемъ совершенно обратное: историческій моментъ выдвигаетъ на очередь вопросъ о политической свободѣ, умъ довольно ясно сознаетъ необходимость измѣненія режима, невозможность дальнѣйшаго развитія при настоящихъ формахъ политическаго устройства; въ это время чувство, подкрѣпляемое ложно понятыми историческими фактами, непрерывно охлаждаетъ всѣ порывы. „Что дастъ намъ политическая свобода, представительное правленіе? Развѣ она освободитъ рабочаго отъ нужды и рабства, развѣ она уничтожитъ паразитическій пролетаріатъ? Конечно, нѣтъ. Она поспособствуетъ только развитію капиталистическаго производства, она облагодѣтельствуетъ только интеллигенцію. Стоитъ ли, въ такомъ случаѣ, социалисту вступать изъ за нее въ борьбу съ правительствомъ? Конечно, нѣтъ.“ Это то противорѣчіе между умомъ и чувствомъ, между требованіями эпохи, и, опередившими жизнь, требованіями мысли и чувства, болѣе всего способствовали долгому шатанію революціонной мысли изъ стороны въ сторону и безплодной гибели многихъ сотенъ лучшихъ сыновъ Россіи. — Но, пора, наконецъ, покончить со всѣмъ этимъ. Теперь уже для всѣхъ ясно, что вопросъ о конституціонномъ режимѣ стоитъ на очереди. Разрѣшеніе его неминуемо, и оно будетъ, если не въ этомъ году, такъ еще черезъ нѣсколько лѣтъ. Деспотизмъ находится въ агоніи; отъ общества, отъ всѣхъ, населяющихъ русскую имперію, зависитъ теперь, сколько времени продолжится эта агонія. Если люди всѣхъ партій, всѣхъ образовъ мыслей, дружно примутся за общее всѣмъ дѣло, время этой агоніи можно было бы считать всего лишь нѣсколькими мѣсяцами. Трудно дѣйствовать неорганизованнымъ его силамъ, разбросаннымъ по

всей Россійской имперіи единичамъ. Трудно, но не невозможно. Къ тому же этимъ дѣломъ уже запята организованная сила, показавшая свою способность къ рѣшительнымъ и энергичнымъ мѣрамъ. Если бы каждый человекъ, желающій укоротить агонію деспотизма, поставилъ себѣ задачей способствовать дѣятельности „Народной Воли“, облегчать ея трудное дѣло, какъ матеріальными, такъ и другими средствами, если бы всѣ социалисты, понявъ важность переживаемого Россіей момента, оставили споры въ основахъ, и присоединились на время къ „Народной Волѣ“, если бы земства и города дружно подняли головы и возвысили голоса за попранные права Россіи, дѣло значительно подвинулось бы впередъ. — „Но мы не можемъ работать на ряду съ народолюбцами, они грѣшатъ противъ первой и основной заповѣди социалистическаго катехизиса: „Все для народа и посредствомъ народа!“ говорятъ народники. Посмотримъ же, каковъ внутренній смыслъ этой заповѣди? Какъ и всѣ фразы, имѣющія выражать очень многое, она даетъ возможность къ превратнымъ толкованіямъ. Что подразумѣвается подъ словомъ народъ? Вся ли нація, совокупность ея интеллигентнаго, промышленнаго и рабочаго классовъ, или только одинъ рабочій классъ? Если вся нація, то, конечно, нечего и говорить, мысль вѣрна, такъ какъ, понятно, все должно дѣлаться для блага всей націи. Но, если „умыселъ другой тутъ былъ“, если здѣсь говорится только объ одномъ рабочемъ сословіи, что все нужно дѣлать исключительно для него, если интересы рабочихъ отдѣляются отъ интересовъ интеллигенціи, то, право, такъ и начинается пахнуть Аксаковскимъ мракобѣсіемъ.

Ибо, какъ не понять, что при настоящемъ устройствѣ общественной жизни, организаціи производства, все, что ни дѣлается для интеллигенціи, дѣлается и для народа. Это слишкомъ ясно, чтобы распространяться объ этомъ. Теперь, что означаютъ слова „посредствомъ народа“? Если, посредствомъ опять таки одного рабочаго люда, то мысль будетъ абсурдна. Никто не сомнѣвается, что рабочимъ полезно, чтобы свобода слова была обезпечена. Но, однако, я думаю, никому и въ голову не придетъ требовать, чтобы рабочій классъ, мало сознающій всю пользу свободы слова, былъ поставленъ ея стражемъ и даже требователемъ. Такимъ образомъ, фразу: „Все для народа, и посредствомъ народа“ необходимо выразить такъ: „Все для націи и всякое дѣло посредствомъ части этой націи, наиболѣе заинтересованной въ этомъ дѣлѣ“. Въ такомъ случаѣ дѣятельность Народной Воли будетъ вполне соотвѣтствовать этому требованію. Желая свободы и права для всей націи, она стремится опереться на интеллигентную часть націи, какъ на наиболѣе заинтересованную въ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ одно изъ препятствій для совместной дѣятельности народолюбцевъ и народниковъ рушится само собой. „Но народолюбцы — террористы. Мы не хотимъ имѣть дѣла съ убійцами. Намъ противно всякое убійство!“ слышимъ мы изъ другаго лагеря. Полноте, такъ ли?

Развѣ борьба съ деспотизмомъ не правильная война, гдѣ съ обѣихъ сторонъ одинаковы шансы, какъ на успѣхъ, такъ и на смерть? Имѣете же вы дѣло съ генераломъ, который славенъ своими побѣдами. Превознесите же вы Гарибальди, освободителя Италіи, хотя на его душѣ болѣе погибшихъ жизней, чѣмъ на душѣ нашихъ террористовъ. Къ тому же надо помнить, что основное положеніе дѣятельности народолюбцевъ, это агитация въ пользу завоеванія насущнѣйшихъ правъ человѣческой личности. Терроризмъ — это аксесуаръ, это — вынужденная, бездѣятельностью общества, форма, а не сущность борьбы. Отъ общества же зависить и измѣнить эту форму. Если бы все общество активно и энергично вступилось за свои права, терроризмъ группы революціонеровъ не имѣлъ бы смысла и исчезъ бы самъ собой. Еще нѣсколько словъ. Не разъ приходилось мнѣ слышать, что если бы не катастрофа 1-го марта, то мы имѣли бы уже свою палату депутатовъ. Но подумайте, кака была бы это палата?! Вспомните русскій проектъ болгарской конституціи, которую не приняло народное собраніе. Наверно, мы имѣли бы половину депутатовъ, назначенныхъ правительствомъ, при высокомъ, для остальной части депутатовъ, выборномъ цензѣ. Развѣ можетъ подобная конституція гарантировать свободу преній, личности, печати и пр. и пр.?

Великій, трудный моментъ переживаетъ теперь наше отечество. Отъ всѣхъ насъ зависитъ теперь, чѣмъ разрѣшится этотъ ужасный кризисъ. Пусть же каждый взвѣситъ свои силы и исполнитъ свой долгъ по отношенію къ родинѣ. Пусть соединятся всѣ честные люди подъ одно знамя обезпеченія правъ человѣческой личности, и дѣло свободы будетъ выиграно, деспотизмъ же отойдетъ въ область исторіи. И. П.

4 окт. 1881

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Москва, 21 сентября (ст. стил.).

Мм. Гг!

Возвратясь въ Москву изъ деревни, я нашелъ нѣсколько нумеровъ „Вольнаго Слова“, и премного благодарю Васъ за аккуратную высылку оныхъ. Къ сожалѣнію моему, и многихъ другихъ постоянныхъ читателей Вашей почтенной газеты, она получается у насъ въ Москвѣ чрезвычайно поздно; вѣроятно это происходитъ отъ того, что доходятъ только экземпляры, посылаемые особымъ путемъ, все же довѣряемое почтѣ немилосердно копѣискуются. По слухамъ изъ Петербурга, почтовое вѣдомство получило приказаніе не пропускать ни одного конверта, отпущеннаго изъ Женева, безъ того чтобы не удостовѣриться, что тамъ не находится нумера или вырѣзки изъ „Вольнаго Слова“, а также вскрываются и всѣ конверты адресуемые въ Женеву; то и другое поручено особымъ чиновникамъ, и въ результатѣ окажется, конечно, весьма интересное *дѣло*. „Вольнолюбъ Слово“, которое послужитъ матеріаломъ для характеристики дѣятельности нынѣшней нашей администраціи.

Я сообщаю Вамъ объ этомъ для личнаго нашего свѣдѣнія и дабы вы не трудились болѣе ничего посылать по почтѣ *).

Отдавая полную справедливость вѣнскому тону Вашего уважаемаго журнала, а также и интересу его содержанія, я вовсе не хочу этимъ сказать, Мм. Гг., чтобы мы, москвичи, могли согласиться со всѣмъ Вами высказываемымъ. Намъ кажется, напр., что Ваше безпристрастіе идетъ слишкомъ далеко относительно элементовъ, которые, съ нашей точки зрѣнія, не могутъ быть названы вполне русскими. Соціалистическое движеніе на Западѣ, о которомъ у Васъ появился рядъ статей, очевидно вышедшихъ изъ подъ компетентнаго пера, но къ сожалѣнію безъ всякой критики, не имѣетъ никакого отголоска въ Россіи; у насъ не можетъ быть пока еще вопроса о раздѣленіи богатствъ, по той простой причинѣ, что богатствъ у насъ пока еще нѣтъ. За весьма немногими исключеніями, наши богачи владѣютъ только номинальными богатствами; они или въ сущности разорены, или имъ недостаетъ капитала для разработки имѣющихся у нихъ источниковъ богатствъ. Мы всѣ бѣдны и бѣднѣемъ со дня на день. Болѣе всего другого намъ нужно улучшение и усиленіе производства, которое въ свою очередь невозможно безъ обезпеченія личной дѣятельности и безъ контроля надъ распорядителями общественными и государственными средствами.

Еще съ большимъ интересомъ у насъ читаются, но еще менѣе встрѣчаютъ согласія замѣчательныя, по знанію дѣла и таланту изложенія, статьи г. Драгоманова. Очевидно, что авторъ вполне знакомъ съ предметомъ и вполне преданъ ему, но также очевидно, что онъ увлекается своимъ сочувствіемъ къ южной Россіи до нѣкоторой несправедливости относительно Россіи сѣверной и, особенно, московскаго періода исторіи. Я предоставляю людямъ болѣе компетентнымъ отвѣчать на всѣ положенія и выводы ученаго автора, а ограничиваюсь здѣсь только указаніемъ на впечатлѣніе, производимое ими у насъ въ Москвѣ.

Авторъ упрекаетъ правительство московское въ нетерпимости и въ неумѣнии управлять другими народами. Однако, всѣ завоеванія, которыя были сдѣланы, не государствомъ только, а русскою (или, если хотите, великорусскою) народностью, были сдѣланы московскимъ правительствомъ, а не петербургскимъ—вся восточная Россія и Сибирь—съ перенесеніемъ правительства въ Петербургъ прекратилась и русская колонизація въ большихъ размѣрахъ и обрусѣніе инородцевъ. Правда, московскіе воеводы дѣйствовали грубыми средствами, соотвѣтствовавшими тогдашней степени образованія, или лучше сказать, необразованности; но врядъ ли жалобы инородцевъ на ихъ русскихъ правителей въ XVI и XVII вѣкахъ были болѣе основательны, чѣмъ въ XIX; европейски образованное и лже-либеральное

петербургское чиновничество, которое составляетъ губернаторовъ какъ Скаргинъ, дѣлитъ между собою всѣ земли башкирскаго народа и гонитъ изъ новоприсоединенныхъ отъ Турціи областей цѣлыя населенія не только мусульманъ, но и христіанъ, — это чиновничество не можетъ ничѣмъ похвалиться передъ московскимъ, развѣ усовершенствованіемъ, систематической организаціей грабительства.

Что же касается нетерпимости въ отношеніи великорусскихъ частей общерусской народности, то и здѣсь, кажется намъ, Петербургъ далеко превзошелъ Москву. Конечно, Москва XVII вѣка придавала формамъ значеніе, кажущееся намъ теперь излишнимъ, что было, однако, въ ту эпоху, дѣлаемо и въ образованныхъ странахъ европейскаго Запада; справедливо, что москвичи XVII в. смѣшивали бытовые формы съ религіею, придавали имъ почти равное значеніе съ догматами: царю Алексѣю Михайловичу дѣйствительно было прискорбно, что православные въ западной Россіи носятъ „хохолъ“ и не носятъ бороды, съ которой въ московской Россіи соединялось понятіе о православіи. Все это кажется теперь пожалуй смѣшнымъ, но все это должно быть вполне понятно исторіку. Можно ли, слѣдовательно, сказать, чтобъ московское правительство преслѣдовало, хотѣло искоренить языкъ или народность Малороссіи? не пользовалась ли напротивъ Малороссіа, во все время московскаго періода, значительного долею самоуправленія? Москва ли уничтожила гетманство и особые учрежденія Малороссіи? она ли ввела туда крѣпостное право? Не справедливѣе ли признать, что все это случилось только тогда, когда и сама Москва, какъ и другія части Россіи, попала въ руки петербургской бюрократіи, которая, съ одной стороны, пользовалась великорусами для подчиненія себѣ гражданскаго общества въ Малороссіи, съ другой же прибѣгала къ малороссамъ для подчиненія себѣ церкви, а черезъ нее и народа, въ Велико-россіи?

Я и мои друзья не имѣемъ ровно ничего противъ снѣгѣ запрещенія, наложеннаго чиновничествомъ на языкъ южнорусскихъ населеній, напротивъ отъ души желаемъ оного. Но мы думаемъ, что это можетъ быть достигнуто не взаимными пререканіями, не возбужденіемъ одной части Россіи противъ другой, а соединеніемъ „Великой, Малой и Бѣлой Россіи“, не только въ титулѣ нашихъ общихъ царей, но и въ пользованіи, долженствующими быть намъ всѣмъ общими, правами на самоуправленіе, на свободное и всестороннее развитіе.

Примите, Мм. Гг., и пр.

—ога.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Петербургъ раздѣленъ на 120 тайныхъ полицейскихъ участковъ. Особое начальство этихъ участковъ, управляемое секретнымъ отдѣленіемъ при оберъ-полицеймейстерѣ, имѣетъ исключительную обязанность надзирать за жильцами въ домахъ и слѣдить за лицами, находящимися подъ надзоромъ полиціи. Въ дѣлѣ надзора полиціи за обывателями петровскаго парадиза уже далеко до того идеальнаго состоянія, какое представлялось воображенію нашего юмориста, Щедрина, предусматривавшаго то недалекое бу-

дущее, когда на каждого обывателя будетъ приходиться по два полицейскихъ: въ прошломъ году подназорныхъ въ Петербургѣ насчитывали 243 человека, гласныхъ же участковъ было 228, да къ нимъ прибавили 120 негласныхъ — итого 348 участковъ, т. е. въ полтора раза болѣе нежели подназорныхъ. Интересно было бы знать, въ какой пропорціи къ подназорнымъ сформированы въ настоящее время наблюдательныя команды въ провинціи. Подназорныхъ же въ Европейской Россіи, считая однихъ только политическихъ, за исключеніемъ Петербурга и Москвы съ губерніями, болѣе 2400 человекъ. По свѣдѣніямъ одной нѣмецкой газеты, одно время получавшей самыя свѣжія новости изъ міра полицейско-политическаго, во второй половинѣ прошлаго года, политическіе подназорные распредѣлялись по разнымъ мѣстностямъ Европейской Россіи слѣдующимъ образомъ:

въ губерніи Калужской . .	315
„ „ Рязанской . .	255
„ „ Тверской . .	198
„ „ Костромской . .	165
„ „ Архангельской . .	96
въ прочихъ мѣстностяхъ . .	1165

Евреи въ Россіи встрѣтили свой новый годъ въ уныніи и мрачныхъ думахъ о будущемъ. Вѣнскія газеты сообщаютъ, что русскій министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ представлявшейся ему на дняхъ еврейской депутаціи посовѣтовать своимъ единоверцамъ выселиться изъ Россіи въ количествѣ одной трети (т. е. почти 1.000.000 душъ!) и кромѣ того замѣтилъ будобы, что отъ провиннагося въ послѣднее время стремленія русскихъ евреевъ къ образованію государству нѣтъ никакой пользы, потому де, что образованные евреи только увеличиваютъ собою контингентъ нигилистовъ.

Въ Вѣнскую „Presse“ сообщаютъ изъ Петербурга:

„Нигилистами только что выпущенъ новый номеръ „Народной Воли“, гдѣ помѣщены слѣдующія сообщенія:

„Мы приглашаемъ нашихъ соотечественниковъ быть какъ можно осторожнѣе, потому что новый начальникъ полиціи способенъ своихъ предшественниковъ.

„Адресы остаются прежніе. (Дѣло идетъ вѣроятно объ адресахъ домовъ, въ которыхъ собираются нигилисты) Но не надо болѣе ставить условныхъ знаковъ на письмахъ, такъ какъ, кажется, полиціи нѣмѣтъ къ нимъ ключъ.

„Комитетъ прощанья въ Петербургѣ распущенъ, также какъ и исполнительный комитетъ и центральный комитетъ для всей Россіи.

Телеграмма того же корреспондента вѣнской „Presse“ прибавляетъ:

„Правительство приняло всѣ мѣры къ рѣшительному сокрушенію нигилистовъ“.

Оставляемъ на отвѣтственности корреспондента „Morning Post“ извѣстіе изъ Петербурга, будто бы открыта главная квартира нигилистовъ и произведено 60 арестовъ (послѣднее для насъ нисколько не удивительно послѣ подвиговъ Жихарева и Барацова). Тамъ же сообщается слухъ о важныхъ арестахъ во Владивѣ.

Занимствуемъ изъ цюрихской N. G. слѣдующее сообщеніе о засѣданіи 3 октября конгресса социалистовъ, такъ неожиданно для швейцарскихъ властей открывающееся въ Коарѣ:

„Полякъ г. Подицкий*) изложилъ, что вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ Польши испытала революціонное вліяніе; въ 1876 году въ Варшавѣ начали агитацію среди рабочихъ, имѣвшую послѣдствіемъ, съ 1878 г., аресты, каждый разъ вырывавшіе изъ рядовъ лучшихъ людей. Крестьяне составляютъ 70% населенія и въ ихъ средѣ агитировать очень трудно. Соціальное положеніе самое неудовлетворительное въ Галліи.

„Одинъ русскій далъ подробныя свѣдѣнія о движеніи въ Россіи и о нигилистахъ. Послѣ

*) Ошибочно, вмѣсто Варшавскій.

*) Можемъ увѣрить нашего почтеннаго корреспондента, что доставленіе „В. С.“ нашимъ подписчикамъ въ Россію организовано на прочныхъ основаніяхъ и что намъ нѣтъ болѣе надобности прибѣгать къ содѣйствію почтоваго вѣдомства. Ред.

покушения (?) на царя Александра особенно деятельно стали организовать и вести преследования, так что каждую неделю, и нередко каждый день руководителям приходилось мнить квартиры даже в самых отдаленных провинциях; по этой причине не подавали голоса в течении всего лета; время проходило в пассивной борьбе; только теперь начинают приходиться в соприкосновение друг с другом. Если бы сношения с партиями в России были лучше, делегаты исполнительного комитета присутствовали бы на конгрессе, но в России так мало знают о происходящем в остальной части Европы, что это невидение навязывает нейтралитет по отношению ко всем партиям. В России не мало рабочих-социалистов, но нет организаций; преследования так ужасны, что не возможно требовать от отцов семейства таких же жертв, как и относятся учащиеся молодежь. Мы, говорит оратор, мы раздвинуты в России между двумя направлениями; мы, последователи „Черного Переделя“, хотим освобождения народа посредством рабочих масс, но после продолжительной работы мы разочаровались и признали, что только сильными потрясениями народ может быть пробужден от вялого оцепенения.

„Мы не имеем в России борьбы классов, но интересы классов. У нас есть также буржуазия; но эта буржуазия преследует ту же цель, что и рабочие—низвержение деспотизма. С другой стороны, условия (материальные) так различны в этой стране, пространстве империи так обширно, что парламент зачастую же показан бы бессмыслицею, ввиду того, что все различные интересы в парламент воззвали бы одни против других. Но наше положение не мешало нам поддерживать друг друга в борьбе, и как только мы разуврились в успех своего собственного предприятия, большинство из наших союзников перешло к движению, представляемому „Народною Волею“, которая расположилась и ведет пропаганду в городах, откуда и действует исполнительный комитет. Его центр тяжести есть, разумеется, политическая идея. Большинство из его членов — социалисты, но не все; например, Желибов был скорее демократом, как и Кибальнич. В последнее время оба течения сблизилась и находятся даже на пути к соединению, так что, с этого момента, может начаться новое и энергичное действие для нашего освобождения и для освобождения рабочего класса.“

Конгресс поручил комиссии из четырех членов составить резолюцию, которую затем и вотировал. Приняты важные положения, легкомысленно игнорируемые прежде; так, напр., конгресс пришел к убеждению, что „в современном обществе интересы противоположны и выражаются в борьбе классов: из этого факта для цылого эксплуатируемых вытекает необходимость организоваться в партию особого класса перед буржуазными партиями. Различные условия существования ставят их в положение прибегать ко всем средствам борьбы, вызываемым обстоятельствами, каквыборы, стачки, реформы, революция и, в случае нужды, заговор, так например в России“. Конгресс признал решительно, что экономические и политические условия в различных странах еще недостаточно однородны, и что поэтому невозможно предписывать всем партиям международных рабочих определенных мероприятий, применимых повсюду и основанных на научных началах. Он нашел возможным формулировать точки соприкосновения общей деятельности только в пределах программы коллективизма и присвоения каждому рабочему чистого произведения его труда, т. е., в сущности, формулировал цель, достигнута которой должна стремиться совокупность усилий класса, борющегося за свое освобождение. Что же касается до средств и путей, то он отбрасывает от всякой утопии и прямо рекомендует борющимся партиям „изучать положение и желания, исторически и политически, народа, среди которого им приходится действовать“. Такой метод нельзя не назвать практическим, нельзя

не видеть в нем значительного шага вперед и шага верного по пути к освобождению.

Прежде своего закрытия конгресс вотировал следующую адрес:

„Международный Конгресс в Коарь шлет привет русским социалистам, которые стоят в положении законной защиты и отвечают на насилие насилием, на террор террором.— Конгресс приглашает все свободные народы выразить свою симпатию тем, кто борется, страдают и умирают за свободу и социальную справедливость под гнетом московской тирании.“

По нашим сведениям, на конгрессе были представлены следующие страны и организации:

- 1) Белгийская рабочая партия французского и фламандского языков: Бертрам.
- 2) Социально-демократическая партия Швейцарии: Концетт, Шварц и Гертер.
- 3) Социалистическая рабочая партия Соединенных штатов Америки: Джон Маквайр.
- 4) Социалистическая рабочая партия Германии: Браун.
- 5) Португальская социалистическая рабочая партия: Бертрам.
- 6) Датская социалистическая рабочая партия: Браун.
- 7) Французская социалистическая рабочая партия: Малон и Жофрент.
- 8) Венгерская рабочая партия: Ференц.
- 9) Швейцарский союз Грюнлианцев (6000 человек): Фогельзангер.
- 10) Всеобщий союз ремесленников Швейцарии: Зейберт.
- 11) Партия рабочего народа в Женеве: Ф. Бекер и Солари.
- 12) Коммунистический рабочий союз самообразования в Лондоне: Раков.*)
- 13) Интернациональная секция в Буэнос-Айресе (в Южной Америке).
- 14) От социалистических рабочих групп Львова: Б. Лимаковский.
- 15) 5 социалистических кружков в Познани и одна группа в Кракове: Варинский.
- 16) Коммунистическая колония „Молодая Икар“ (в Соединенных Штатах): Б. Малон.

В течении заседания конгресса получили следующие адреса из некоторых мест Италии, Франции и т. д. Некоторые делегаты, особенно французские и бельгийские, выразили организационному комитету свое неудовольствие по поводу внезапного назначения конгресса в 23 октября на второе. Эта внезапность помешала французам и немцам надлежащим образом подготовиться к конгрессу, между прочим выбрать имевшиеся в виду число делегатов и доставить полные отчеты.

Заседания конгресса окончились во вторник, в 8 часов вечера, 5-го октября.

В тот же вечер состоялось публичное собрание делегатов и других лиц, на котором присутствовало не менее 550 человек.

Подробный отчет о конгрессе появится на страницах „Вольного Слова“ в следующем номере.

Аресты поляков-социалистов в Познани по доносу демократической газеты. 9 сентября был в городе Равич арестован поляк В. Трушковский, а 12 сентября в Бромберге арестованы Мендельсон и Мария Янковская — все трое по доносу польской „демократической“ газеты „Ogledownik“, издаваемой в Познани. Факт этот интересен и сам по себе, как иллюстрация „конституционной жизни“ в Германии, имеет и специальное значение, как характеристика правительственного и политического развития так называемой польской демократии. Вскоре после появления Мендельсона в городе Познани в местной демократической польской газете „Ogledownik“ появилась заметка, в которой сообщалось о прибытии нескольких поляков-социалистов из Швейцарии с целью внести сразу социалистические идеи в среду польских рабочих. При этом редакция указывала,

*) Не следует смешивать с лондонским коммунистическим союзом направлением Моста, в котором числится 400 чл.; Раков представлял около 200 членов. В обоих обществах более 600.

что приезжие социалисты пляются по кабакам, всюду стараются завязать сношения с рабочими. Вслед за этой замечкой появился летучий листок, напечатанный в Женеве, в котором польские социалисты напомнили редактору упомянутой газеты, Шпанскому (доктор прав и философ), что несколько лет тому назад он объявил себя крайним демократом, чуть не социалистом. Он это очевидно сделал из опасения влияния на польских рабочих со стороны немцевых социал-демократов, издававших на польском языке „Программу рабочих“ Лассалы. Теперь же, заявили авторы листка, когда социализм объявлен в закон и крайний демократизм сделался вещью не особенно терпимой, Шпанский не считает больше нужным скрывать свою истинную правительственную физиономию. В ответ на это печатное заявление социалистов, газета напечатала имена приезжих, по ее мнению, социалистов, указав их адреса, назвала фабрики и трактиры, в которых, по ее словам, Мендельсон и другие вели „незаконную“ пропаганду. Результатом этого печатного доноса был арест четырех поляков по подозрению в социалистической агитации. Разумеется, донос был мотивирован патристическими соображениями, в род охранения польского народа от антипатристической пропаганды, от возбуждения антагонизма в различных общественных классах польской нации и подрывания единства ее и т. п. Характерно, что полемика, разгоревшаяся в польской журналистике по поводу этого доноса, вертелась около вопроса, пристойнее ли доносить прямо полицию или же сначала печатно, а затем полицию. На последний же характер политический донос вообще ни одна из польских газет не указала. Невольно начинаешь верить при этом заявлениям молодых польских социалистов об окончательном исчезновении в среде так называемой польской демократии всяких истинно демократических тенденций и полной деморализации ее, как политической партии.

Кровь и желѣзо. Подъ этим заглавием в № 41 „Социал-декрата“ сообщается следующее извѣстие: в Альтонѣ, близ Гамбурга, агенты Бисмарка создали народное собрание. Референт читал о монополии на табак и об обеспеченіи инвалидов труда государством. Собрание въ 1.000 человекъ состояло главнымъ образомъ изъ социалистовъ, которые весьма энергично выступили противъ бисмарковскихъ проэктовъ. Вдругъ нахлынула масса вооруженныхъ полицейскихъ, „Кровь была пролита, много лицъ ранено, другіе арестованы; ожидаются новыя аресты“.

Преслѣдованіе социалистовъ въ Германіи усилено въ расчетѣ воспрепятствовать имъ вести избирательную агитацию. Тѣмъ не мѣнее она дѣлается и энергично ведется повсюду, такъ что Либкнехтъ, не смотря на свои полномочія, не могъ присутствовать на международномъ конгрессѣ въ Коарѣ.

Политика петербургскаго правительства по вопросу о выдачѣ социалистовъ-революционеровъ. Официальный „Journal de St-Petersbourg“ извѣщаетъ, что русское правительство не имѣетъ ни малѣйшаго намеренія принуждать кого бы то ни было къ заключенію конвенціи (о выдачѣ). Оно разсматриваетъ движеніе, направленное противъ общества, какъ угрожающее всему государству и полагаетъ, слѣдовательно, что мѣры противъ этого бича должны быть приняты сообща. Русское правительство приглашено до другія заинтересованныя правительства войти въ соглашеніе съ нимъ по этому предмету. Само де разумеется, что каждое изъ этихъ правительствъ вольно дѣйствовать, соображаясь съ собственнымъ своимъ положеніемъ, со своими учрежденіями и законами. Но правительство не цивилизованнаго государства одинаково обязано вѣстись за защиту социальнаго порядка.